

ИННОВАЦИОННЫЙ ТИП РАЗВИТИЯ: ВОЗМОЖНОСТИ РОССИИ

Обозначенная в программе конференции «социологическая квадратура» «власть – наука – образование – бизнес» предполагает содержательный анализ тех актуальных проблем, решение которых требует тесного взаимодействия всех четырех углов этой «квадратуры». В ряду этих проблем для российского общества особенно значимой представляется проблема освоения инновационного типа развития, которая уже более десятилетия не только привлекает внимание науки, образования и бизнеса, но и выдвинута в качестве практической задачи в государственных планах социально экономического развития.

Прежде всего, определим, что такое инновационное развитие. Ведь нововведения имели место на протяжении всей истории человечества. Однако в перманентной цепи инноваций время от времени происходят инновационные «скачки» или «взрывы», влекущие за собой качественные изменения форм общественной жизнедеятельности.

В 70-е годы прошлого века индустриально развитые страны мира вступили в стадию глубоких качественных изменений технической экономической базы индустриального общества. Эти изменения кардинально преобразили социальную структуру общества, образ жизни населения, существенно сказались на культуре и общественном сознании. Многие ученые и публицисты усмотрели в феномене «крутых перемен» «шок будущего» и заговорили о становлении «нового общества» (теория «постиндустриального общества» Д.Белла, «второй модерн» Э.Гидденса, «информационное общество» М.Кастельса, «постсовременное общество» Ж.Бодрийяра и других постмодернистов) [1]. Спустя некоторое время, однако, обнаружилось, что наряду с инновационными тенденциями повсюду сохраняются прежние уклады производства и жизни, нередко сочетаясь с самыми архаичными формами общественного бытия и сознания.

Поэтому правильнее оценивать перемены не как возникновение «нового общества», а как свидетельство становления качественно нового «инновационного типа развития» (ИТР), базирующегося на «экономике знаний» и высоких технологиях и, благодаря этому, отличающегося внутренним динамизмом и адаптируемостью к изменяющимся условиям. ИТР не замыкается в пространстве высокотехнологичных и наукоемких отраслей производства, а распространяет свое влияние на всю социально экономическую систему, на все сферы общественной жизни. Те страны, которые тесно приобщились к инновационному развитию, задают тон в мировом экономическом гондике и получают колоссальное превосходство над странами, застрявшими в русле «инерционного развития».

Основная характеристика ИТР состоит в том, что центр тяжести общественного производства с вещественных составляющих (орудия производства, станки, машины, материалы, физический труд) переносится в духовную сферу – информация, знания, творчество. На ступление подобного переворота предвидел К.Маркс. В Экономических рукописях 1857–59 годов он высказал идеи превращения науки в непосредственную производительную силу; высвобождения работника из производственного процесса и принятия на себя функций контроля и наладки; измерения результатов труда не рабочим, а свободным временем [2].

ИТР ориентирован на раскрытие и мобилизацию творческого потенциала человека и социума. Содержание, величина и качество этого потенциала находят отражение в категориях «человеческого капитала» и «социального капитала».

Человеческий капитал – это совокупность знаний и умений, талантов и способностей работника. Человеческий капитал был задействован и в индустриальном обществе, и в него делались инвестиции. При инновационном развитии человеческий капитал начинает играть доминирующую роль во всей системе общественного производства («мозговой центр»). На передний план социально экономического прогресса выходит «развитие общественного индивида», что, в свою очередь, создает потребность в разрастании социальной сферы (системы образования, здравоохранения, социального обеспечения, обустройства среды обитания, финансирования и организации прикладных и фундаментальных научных исследований). Естественно, многократно увеличиваются инвестиции в человеческий капитал.

Социальный капитал – это, по сути дела, капитал общественной кооперации и солидарности, капитал взаимного доверия, благодаря которому производство обретает способность стать «комбинацией общественной деятельности». Развитие социального капитала создает благоприятную общественную творческую среду для инновационного развития, формирует в обществе инновационную культуру.

Инновационное развитие выступает как бы в двух ипостасях – технологической и социальной. Технологические инновации касаются, с одной стороны, собственно технологий, с другой, – системы управления жизнедеятельностью социума. При ИТР управление перестает быть внешней функцией по отношению к обществу. Высокая степень сложности, подвижности, релятивности процессов в со

временном обществе не позволяет охватить их даже самой совершенной системой управления. Через нее, как вода сквозь сито, прорываются потоки хаоса и неопределенности. Но именно в этой дробной неуловимой и неуправляемой среде возникают свои имманентные механизмы саморазвития и саморегулирования, которые в той или иной мере отражены в так называемой фрактальной теории и в теории аутопойесиса Никласа Лумана [3].

Инновационный «технологический взрыв» современности поставил социум перед необходимостью кардинальных социальных инноваций, призванных соединить принципы и практики управления общественными процессами с механизмами самоуправления и саморегулирования, спонтанно вырастающими из этих процессов.

ИТР, безусловно, отвечает национальным интересам России. Во-первых, переживаемая российским обществом фундаментальная трансформация сама представляет собой масштабную социальную инновацию, неосуществимую в рамках инерционного развития. Во-вторых, инновационное развитие приобщает Россию к центру и нерву глобальной экономики, а, значит, и к рычагам и механизмам глобального мироустройства. Без решения этой двуединой задачи Россия вряд ли сможет сохраниться как единое суверенное государство.

Потребность в инновационном развитии все более осознается российской политической и интеллектуальной элитой. По теме опубликован большой объем литературы и научно-практических разработок. Однако просматривается крен в сторону технологической интерпретации инновационного развития, в ущерб социальным аспектам, требующим философского, социологического и политологического осмысления. Между тем в условиях глубокой, длительной и многом неопределенной трансформации общественной системы социальные инновации в проблематике нового типа развития выходят на первый план. От того, как они осуществляются (или не осуществляются), зависят содержание и направленность, а, в конечном счете, успех или неудача, решения проблем прорывных технологических инноваций.

Общая оценка состояния российского общества позволяет заключить, что исходные предпосылки для инновационного развития здесь налицо. Страна обладает энергетическими и сырьевыми ресурсами, вполне достаточными для обеспечения стабильного роста современной экономики. Высокий уровень научного потенциала и образованности населения вполне могут служить стартовой площадкой для «экономики знаний» – высокотехнологичного производства с преобладанием интеллектуального труда. Имеются и перспективные заделы в ряде отраслей производства, главным образом вышедших из ВПК. Россия всегда была богата, богата и сегодня, талантами инновационного мышления и смелых инженерных задумок. И, наконец, среди наиболее активной части населения и властной элиты укореняется понимание необходимости крупных инноваций, способных поменять парадигму развития российского общества.

Все эти предпосылки объясняют и оправдывают стремление власти проводить публичную политику инновационного развития страны. Однако эта политика должна соизмеряться с препятствиями и рисками, которые обусловлены, как социокультурными особенностями и традициями России, так и перипетиями и результатами, происходящих в стране и мире перемен.

Во-первых, инновационную модернизацию страны тормозят, а нередко и парализуют, последствия деиндустриализации 1990-х годов: деградация целых отраслей национальной индустрии, падение технического уровня производства, дефицит рабочих кадров высокой квалификации. Дефекты индустриальной инфраструктуры блокируют технологические новшества. С этим связаны и деформации национального рынка, которые создают структурные диспропорции, выдвигающие на доминирующие позиции наиболее прибыльные, сырьевые отрасли производства, что препятствует структурной перестройке экономики в пользу высокотехнологичных и наукоемких отраслей. В результате вместо формирования и укрепления инновационной экономики воспроизводится социально-экономическая база инерционного развития страны.

Во-вторых, в России не лучшие времена переживает наука – главный генератор инновационных идей и креативного содержания наиболее крупных нововведений. Длительный период финансового голодания и конъюнктурной коммерциализации подорвал фундаментальные устои российской науки: утечка мозгов, разрушение экспериментальной базы, распад научных школ, отсутствие притока молодых кадров. В последние годы ситуация меняется, бюджетное финансирование увеличивается. Однако и сегодня доля средств, выделяемых государством на науку (1,2% от ВВП), намного ниже уровня инновационно продвинутых стран. Но основная беда состоит в том, что наука как источник и резервуар инновационных идей и начинаний мало востребована реальной экономикой ввиду неразвитости конкурентной среды. Монопольное положение корпораций не побуждает их к инновациям. Невостребованными оказываются даже прикладные научные разработки. Этот настрой транслируется прикладными науками в пространство базовых знаний, снижая общий тонус научного творчества.

В-третьих, в России узка социальная база инновационного развития. В развитых странах социальная поддержка инноваций исходит от той части средних слоев общества, которая связана с высокотехнологичными творчески емкими сферами материального и духовного производства. В теоретической социологии эти слои называют «креативным классом» (Ричард Флорида, Чарльз Лэндри), ядро которого составляют ученые, инженеры, вузовская профессура, аналитики, журналисты, деятели культуры [4].

Как бы новый этаж надстроили над обществом, но меня не очень устраивает этот образ этажа, потому что этаж то как бы отдельное что-то от общества. Дело в том, что этот инновационный тип развития оказывает очень серьезное влияние и на другие сферы, в том числе и на архаичные, как те, где то в Южной Африке там, самые архаичные способы внимать мобильнику и, на мобильнику говорить. Так вот этот инновационный тип развития, который действительно качественно отличается, отличается тем, что действительно идея приобретает огромную роль, и я должен сказать, что и Маркс, хотя в другом контексте, с моей точки зрения мечтал о некотором будущем коммунистического общества – «Экономические рукописи» 1957–1959 годов – он это все предугадал, когда наука превращается в производительную силу, работник выходит из сферы производства и становится рядом как наладчик, контролер, регулятор и т.д. и более того, труд уже измеряется не рабочим временем, а свободным временем, творчество приобретает огромное значение. Вообще три компонента: информация, знание и творчество – вот что характеризует этот тип развития. Есть планы предприятия инновационного развития, план Саратовского региона инновационного развития и т.д. Везде акцент делается на технологическую сторону, так сказать, технологии новые. Но дело в том, что есть и вторая сторона этого вопроса, компонент этого инновационного типа развития – это социальный, и он, по моему, более важный, особенно для трансформирующегося общества. Потому что сама эта трансформация, в которой мы находимся в потоке, она требует обязательного инновационного подхода. Ни одну проблему решить нельзя без какого-либо инновационного подхода, прежде всего, к социальным проблемам.

Россия, я думаю, как раз тоже стоит на пороге инноваций, и у нее тоже есть все основания для этого, какие-то предпосылки есть как уровень промышленного развития и несмотря на все отрицательные явления 90-х годов прошлого века, и состояние науки еще все-таки высокое, и есть еще среди элитной части общества понимание необходимости перехода к этому новому этапу развития, так что исходные предпосылки есть, но с этой точки зрения вполне оправданно, что у нас наша власть озвучивает в докладах и в документах бывшего президента и нынешнего нашего президента. С точки зрения слов, все сказано, и очень хорошо сказано. Но что мне кажется важным и на что должно быть обращено внимание именно науки, и социологии, в частности, по моему, прежде всего, это те аспекты, которые

недооценивает ни власть, ни общество, ни наука. В реальности существуют серьезные проблемы и трудности, которые нужно преодолеть, с которыми мы уже сейчас сталкиваемся и будем еще сталкиваться в большей степени. Вот об этом я в порядке перечисления хочу сказать первое это то, что индустриализация у нас произошла в 90-е годы, поэтому мы решаем как бы двойную задачу: с одной стороны это инновационная экономика, надо о ней думать, но с другой стороны мы ощущаем, что у нас уровень просто индустриального развития уже отстает после 90-х годов не хватает элементарных кадров даже на предприятиях индустриального сектора. Это уже просто трагедия, что пенсионеры только, токари, слесари, фрезеровщики, потому что подготовка этих кадров прекратилась, т.е. очень серьезные задачи, причем мы эти задачи не можем решать отдельно, их надо совместно, потому что просто восстановить старую индустрию это уже не та задача, а нужно сразу иметь в виду новый этап развития. Вот это первая и очень серьезная проблема. Тут кто-то говорил, что достаточно повысить зарплату до 3000 долларов и все пойдут на это предприятие, но в целом по масштабам страны это очень серьезная задача, и о ней как то власть задумалась, но еще пока это не развернулось широко, еще надо акцентировать внимание на подготовке кадров.

Теперь наука. Все мы знаем, потому что мы сами в этой сфере работаем и мне кажется, что у нас такое легкое отношение – да, платили мало, плохо жили, утечка мозгов была за рубеж, теперь это будет финансироваться хорошо и все проблемы будут решены. Владимир Владимирович Путин предъявляет претензии фундаментальной науке. Вы обратите внимание, на его последнее выступление, где подчеркнуто, что мала отдача фундаментальной науки для практики. Вот мне кажется сама эта постановка вопроса нуждается в коррекции. От фундаментальной науки не надо требовать отдачи на практике и главная причина почему нет этой отдачи не в самой науке, хотя тут тоже потери огромные – школы целые ликвидировали, а создать снова школу это надо десятилетия! Но даже при этом уровне отдачи действительно недостаточна, но причины, с моей точки зрения, в том, что наука не востребована, вот когда востребована, тогда сразу появляются энтузиазм, и стремление решить эти проблемы, но даже прикладная наука в силу отсутствия конкурентной среды в индустриальной сфере не востребована. Легче инновационно развиваться, чем вводить какие-то нововведения, неизвестно что, какие-то рискованные планы принимать. Поэтому лучше все как и было. И не востребована даже прикладная наука. А если прикладная не востребована, то у людей, которые формируют механизм передачи открытий фундаментальной науки к практике тоже не работает. Они не заинтересованы в фундаментальной науке, в создании какой-то творческой среды, обсуждения каких-то больших методологических проблем. Я не знаю, как вы, но я это все время ощущаю, что не нужно это никому. Мы семинар какой-то проводим, обсуждаем очень важные на сегодняшний день методологические проблемы, скажем, по новому вопросу отношения субъекта и объекта сейчас он стоит и об этом надо думать – никому это абсолютно неинтересно, не только власти, а даже нашим коллегам, которые работают в прикладной сфере и непосредственно общаются с производством. Вот это, как мне кажется, очень большая задача – поднять нашу науку, и она отнюдь не сводится к финансированию, хотя сейчас о финансировании на самом деле больше разговоров, чем задача, которую когда-то несколько лет назад Путин поставил: сотрудник будет получать 30000 рублей в среднем, а главный научный сотрудник со всеми регалиями не меньше 45000-50000 рублей. Третий момент это новый тип развития, что связывается со средним классом, хотя я подвергаю сомнению сам этот термин, мне кажется, что правильнее говорить о средних слоях – настолько там дифференциация большая, но говорят вот креативный класс. Далеко до этого креативного класса у нас, потому что масса препятствий на пути формирования средних слоев. Тройной пресс на них: с одной стороны государственная бюрократия давит, с другой стороны монополия олигархии крупных компаний, которые не используют их, а наоборот не дают жизни. И, наконец, криминалитет. Вот этой тройной пресс просто в жутком состоянии. Я не верю, что растет у нас средний класс или эти средние слои, конечно при расплывчатости этих понятий можно сделать что-то годно. Помните, как в 60-х годах прошлого века формула марксистская – рабочий класс увеличивается. Идеологи говорили: увеличивается, причисляли учителей и кого угодно в рабочий класс, конечно можно такую вот натяжку сделать. Я не верю, что у нас эти средние слои составляют больше чем 20%. Некоторые из серьезных исследователей, Римашевский, например, считают, что меньше 10% даже. Этот момент тоже очень важный. И, наконец, самый главный, я его только обозначаю – гражданское общество. Дело в том, что при новом типе развития мы имеем дело с очень сложными системами общественными. Так вот, современная наука показывает, что в таких сложных системах, та система управления иерархическая, которая у нас существует, на которой мы базируемся в основном, она не то что перестает работать, но очень ограничено ее влияние. А возникают какие-то новые механизмы. Вот как сквозь сито прорываются в сложных системах отношения хаоса и неопределенности, которые не поддаются этому иерархическому управлению, что мы стремимся всегда сделать во власти всех организовать по стандарту. Это хаос и неопределенность прорываются и тогда начинают из него же, из этого хаоса вырастать некие механизмы самоорганизации, саморегулирования. И в естественных науках на это фрактальная, так называемая теория есть, которая от геометрии пошла, но она уже сейчас к рынку тоже применяется. Так вот, грубо говоря, опуская промежуточные элементы, гражданское общество дает основу этого механизма саморегулирования, самоорганизации, энергии самодеятельности, которая должна вырасти из самого общества, но пока у нас задача совсем другая и это скорее огосударствление тех зачатков гражданского общества, которые у нас есть. Я думаю, это не тот путь и над этим надо думать. И самое главное то, что некоторые политические тенденции – авторитарные усиления механизмов, то, что говорила Зинаида Тихоновна о социальном неравенстве, социальной политике, которые поддерживают это социальное неравенство, тут получается своего рода как бы на противоположных работах. В одном направлении – потребность в инновационном развитии, а в другом – политические тенденции, которые, мягко говоря, не способствуют развитию творческой атмосферы, абсолютно необходимой для решения этой проблемы перехода к инновационному типу развития.